

ОСКОЛКИ ФАНТАЗИИ

Сборник сказок о Тасе и Великом Лесе

Шаталова Виктория

Виктория Шаталова
Осколки фантазии

«Автор»

2026

Шаталова В.

Осколки фантазии / В. Шаталова — «Автор», 2026

Тася проводит лето в деревне. Ей почти двенадцать, и мир вокруг начинает требовать серьёзности: «фантазии — для малышей», «математика не пригодится», «красные волосы — срамота». Но бабушка рассказывает легенду о Молчальнике, который пожирал песни и сказки, и осколки которого разлетелись по всему свету. С тех пор каждый человек носит в себе маленький осколок фантазии — и только от него зависит, погаснет он или засияет ярче. Вместе с папой-волшебником, дедушкой-математиком и огненно-рыжей сестрой Тася учится беречь свой осколок, не обижаться на чужие слова и видеть чудеса там, где другие видят только «ерунду». Тёплые, смешные и немного мистические истории для тех, кто ещё не научился смотреть сердцем.

© Шаталова В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Шаталова

Осколки фантазии

ОСКОЛКИ ФАНТАЗИИ

Деревья шепчут сказки

(первая сказка из цикла «Осколки фантазии»)

Тася сидела на широких ступенях террасы, выложенной тёмным, обожжённым до гладкости деревом. Оно было тёплым от дневного солнца, и Тася чувствовала его шершавую текстуру под ладонью. Стеклопанорамные двери современной дачи отражали угасающее небо, окрашенное в нежные персиковые и лиловые тона. Рядом, на столике стыл чай, а планшет был давно погашен — не потому, что села батарейка, а потому, что Тася просто не хотела больше на него смотреть.

Пару часов назад, листая ленту в интернете, она наткнулась на короткий комментарий под чьим-то рисунком с драконом. «Фантазии — для малышей. Пора взрослеть, подруга». Сказано было не ей, но почему-то кольнуло так сильно, будто кто-то вырвал страницу из её любимой книги. Тасе было почти двенадцать. Возраст, когда мир вокруг начинает требовать серьёзности. Может быть, они правы? Может, и правда пора перестать видеть в тенях сосен рыцарей, а в облаках — летающие острова? Эта мысль была липкой и неприятной, как паутина. Она тряхнула головой, отгоняя её, и уставилась вдаль, туда, где начинался её личный храм — Великий Лес.

Там, за серебряной нитью ручья, который тихо журчал, перебирая камешки, стоял Великий Лес. В лучах заходящего солнца он выглядел как армия древних титанов, застывших в янтарном сиянии. Каждый ствол был колонной, каждая крона — куполом неведомого собора. И сердце Таси снова забилось быстрее, забыв о глупом комментарии. Силуэты сами складывались в образы, как будто лес ждал её взгляда, чтобы раскрыть свои тайны.

— Баб... — голос Таси стал тихим, почти благоговейным, но в нём мелькнула и робкая нотка, словно она боялась, что бабушка скажет, что это просто ветки. — Посмотри. Видишь ту старую сосну? Её крона раздвоилась, и теперь это два огромных зайца. Они застыли, наострив

уши-ветки, будто слушают что-то под землёй. А рядом — рыцарь. Его плащ из хвои развеивается на ветру, а конь склонил голову, и кажется... кажется, он чует чьё-то дыхание.

Бабушка вышла из дома, накинув на плечи тяжёлый вязаный кардиган цвета лесного мха. От неё пахло травами и чем-то тёплым, домашним. Она присела в глубокое кресло-шезлонг, и свет гирлянды, натянутой под крышей, отразился в её глазах так, будто там вспыхнули крошечные звёзды. Она посмотрела на лес, потом на внучку — очень внимательно, словно читая что-то в её лице, что-то, что Тася сама ещё не понимала.

— Тебе кто-то сказал, что это глупо? — спросила бабушка без всякого вступления, и голос её был мягким, но проникающим.

Тася вздрогнула, но соврать не смогла.

— Написала одна девочка в интернете. Не мне, но... это ведь правда? Ну, что всё это — понарошку?

Бабушка мягко улыбнулась и кивнула в сторону закатного леса.

— Знаешь, что ты видишь? Это Великий Театр Крон. Последняя магия, которую деревья оставили себе, когда решили навсегда замолчать. Твои зайцы и рыцарь — актёры. И нет ничего более настоящего.

— Замолчать? Почему? — Тася почувствовала, как по коже пробежал лёгкий холодок — не от вечерней прохлады, а от предвкушения настоящей тайны. Вопрос о «понарошку» вдруг стал совсем маленьким и незначительным.

Бабушка помолчала, словно прислушиваясь к далёким голосам, которые слышала когда-то очень давно или видела во сне.

— Давным-давно мир был пропитан магией так густо, что воздух мерцал. Деревья тогда были Ходоками. Они не росли на одном месте, а медленно и величественно странствовали по земле. Их корни не вгрызались в почву, а скользили по ней, как вёсла по воде, оставляя за собой глубокие, живые следы. Они не просто жили, они были жизнью.

— Ходили? — переспросила Тася, и её глаза расширились. — Как огромные живые горы?

— Именно. И они не просто ходили, они пели. Их песни были историями мира, каждой травинки, каждого камня, каждой звезды. Был среди них молодой клён Шелест — его листья светились изнутри мягким золотом, и его песни были лёгкими, как весенний ветер. Были ивы-сёстры Лили и Мили, чьи ветви напоминали струны огромных арф, и их песни были печальными и прекрасными, как дождь. И был Великан — древний дуб, чья кора была испещрена светящимися рунами. Когда он делал шаг, земля вибрировала в такт, и его голос был громом, несущим мудрость веков. Деревья были хранителями всех историй мира. Они пели их по ночам, и от этих песен звёзды сияли ярче, а люди учились мечтать.

Бабушка сделала паузу, и свет в её глазах будто притух, словно она вспоминала что-то очень далёкое и немного грустное.

— Но из самых глубоких расщелин, куда никогда не заглядывало солнце, выползло существо по имени Молчальник.

Тася невольно сжала кулачки.

— Кто он? Опасный?

— Хуже. — Бабушка подалась вперёд, и её голос упал до шёпота. — Он был воплощением пустоты. Представь себе вихрь холодного серого тумана с провалами глаз, в которых застыла жидкая ртуть. От него веяло не просто холодом, а отсутствием тепла. Молчальник был глух к тишине и слеп к красоте без звука. Он воспринимал мир только через слух, и потому ненавидел всё, что звучит: песни, смех, шёпот ветра в листве. Для него звук был хаосом, беспорядком, который мешал его идеальной, пустой тишине. У него не было собственного воображения, и он завидовал тем, у кого оно было. Он мечтал превратить мир в тихую, бесцветную пустыню, где не будет ни одной живой мысли, ни одного отголоска радости или печали.

— Как... как те, кто говорит, что фантазировать бесполезно? — тихо вырвалось у Таси, и она почувствовала, как её собственное маленькое сомнение снова кольнуло.

Бабушка посмотрела на неё долгим, тёплым взглядом.

— Да, моя хорошая. Только у них нет обсидианового фонаря. А у Молчальника был. В подземном пламени он выковал фонарь из мёртвого камня, который питался произнесёнными словами — стихами, сказками, колыбельными. Стоило дереву запеть, как Молчальник открывал крышку, и звуки, смыслы, искры фантазии затягивало в вечную темноту. Он не просто уничтожал их, он пожирал их, чтобы сделать мир безмолвным. Лес начал гаснуть. Листья Шелеста стали осыпаться пеплом, сёстры-ивы затихли, а руны на коре Великана гасли одна за другой. Мир становился серым и плоским, как старая, забытая картина.

— Но они же могли дать отпор? — прошептала Тася, и теперь это был не просто вопрос к сказке. Это был вопрос к самой себе: можно ли дать отпор тем, кто смеётся над твоими мечтами?

— Деревья поняли: то, что издаёт звук, — обречено. Молчальник ловит каждое слово, но он совершенно не замечает того, что молчит. И тогда, как гласит наше семейное предание, Великан передал всем по корням последнюю мысль, которая пронеслась по земле, как глубокий вздох: «Станьте невидимыми в тишине. Говорите тенями».

Бабушка улыбнулась краешком губ.

— Конечно, никто из людей не слышал этих слов наверняка. Может быть, они приснились моей прабабушке. А может, сам лес рассказывает эту историю каждому, кто готов слушать глазами и сердцем.

Когда Молчальник подошёл к деревьям, чтобы забрать последний свет, наступила такая тишина, что было слышно, как падает роса, как шелестит трава под лапкой жука. Колдун торжественно поднял фонарь, предвкушая полную победу. Но деревья не пели. Они начали... танцевать.

Это был танец теней невиданной красоты. Ветер, ставший их союзником, раскачивал кроны. Шелест выгнулся так, что его тень на скалах превратилась в огромного грифона, парящего над бездной. Лили и Мили сплели ветви, создавая силуэт небесного корабля, плывущего по звёздному морю. Великан, хоть и не двигался, но его тени извивались, создавая образы древних богов и героев. Они рождали образы такой силы, что сам воздух начал искриться золотом и индиго, а тени обрели плотность и цвет.

Молчальник был в ярости. Он не видел этих чудес, но чувствовал, как пространство наполняется чем-то, что невозможно украсть, что не поддаётся его безмолвной власти. Он в ярости приказал фонарю поймать эти образы. Но обсидиан, созданный пожирать звук, не мог переварить беззвучную красоту. Тени вошли в него, как живые существа, и фонарь захлебнулся чужеродной магией. Он треснул с оглушительным, но беззвучным треском и взорвался миллионами сверкающих осколков, которые разлетелись по всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.